

РАЗМИНКА НА УРОКЕ СЛОВЕСНОСТИ

СЕМЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ

МАРИЯ ГАНЬКИНА,
учитель, Москва

Как часто, увы, мы вольно или невольно стараемся подвести учеников к какому-то определённомu пониманию идеи, как мы говорим, художественного произведения...

Хорошо бы все-таки различать *ординарное* школьное сочинение, где по вполне перечислимым и достаточно нехитрым законам этого жанра излагается нечто общепринятое: вот тебе затравка-вступление, вот тебе рассуждение-основная часть, которая по объёму примерно, как пять вступлений, а вот бодрое заключение с сакраментальными выводами, услышать которые так жаждет учитель... И – сочинение *читательское*, на собственное понимание текста. Это – разные жанры. И каждый строится по своим специфическим законам. И, конечно, хорошо бы нашим ученикам ориентироваться в них одинаково свободно.

ПРО ЧТО РАССКАЗ?

Прочитав пятиклассникам рассказ Чехова «Размазня», я предложила им ответить на вопрос «Про что этот рассказ?». Не «Что хотел сказать автор?» или «В чём идея произведения?», а – «про что?». Именно так элементарно просто был сформулирован вопрос.

Листочки – на партах. На ответ – *не более семи предложений и десяти минут*. Действительно, больше семи предложений не было.

«*Про гувернантку, которая очень боялась своего господина. Его слово было для неё закон. Господин это знал и как бы не хотел, чтоб так было. Он специально обирает её, чтоб посмотреть, как она отреагирует на это. Конечно, гувернантка говорит «мерси» и со слезами на гла-*

зах собирается уходить. Господин останавливает её и как бы ругает за то, что она такая размазня.

Я думаю, господин был честным человеком и не хотел, чтоб гувернантка и пикнуть перед ним не могла» (Таня Р., 11 лет).

«Про издевательство. Рассказ написан от лица дядечки, который сыграл злую шутку над «бедной девочкой» Юлией Васильевной. И шутка была не просто злая, а очень злая. Да и вообще – это шутка?! Мне кажется, что нет. Это издевательство над «бедной девочкой». Или, как говорил наёмник гувернантки, «жестокий урок».

И ещё мне кажется, что наёмнику, когда он раскрылся, стало самому не по себе, поскольку он довёл гувернантку до слёз» (Катя Л., 11 лет).

«Про доверчивость. Гувернантка не протестовала, когда её обобрали до одиннадцати рублей, хотя в получке было восемьдесят. В других домах её тоже обсчитывали, а иногда не давали и копейки. О её доверчивости ко всем» (Герман С., 10 лет).

«Про сильного и слабого. Как сильный имеет возможность пошутить, а слабый не имеет, он только горбится и унижается, унижается, унижается... А когда низший совсем унизился, у сильного подействовала добрая совесть. И, посчитавши, что это плохая шутка, сильный жалеет униженного и просит прощения, отдавши всё, что отнял за время «шутки».

Наверное, сильный думал, что слабый поймёт его шутки, но слабый не смог» (Вера Л., 10 лет).

«Про обман. Это рассказ о том, как хозяин обманом преподал урок гувернантке. Мне кажется, не надо было её обманывать. А потом ещё и кричать!» (Оля С., 11 лет).

«Я думаю, этот рассказ похож как бы на встречу представителей. Юлия Васильевна – это представитель Бога, а хозяин – всего земного.

Человек не может выжить в мире, или если ему не помогает Бог, или если он не «зубастый». И хозяин правильно говорит, что быть зубастым – это правильно только для грешного человека» (Никита Г., 10 лет).

«Про то, как легко задеть человека за живое.

Мне кажется, что слабому всегда трудно возразить сильному. Этот человек хотел научить Юлию Васильевну возражать. Но она была слишком слабым человеком. У неё не получилось» (Ксюша Л., 11 лет).

«Про грубость. Мне кажется, что надо быть поскромней.

Я уверен, что этот дяденька сделал это не от злости, а просто пошутил. Но плохо то, что он так грубо обошелся с ней. Но он не специально. Я думаю, что Чехов не намеревал зла, когда писал этот рассказ.

А она правильно сделала, что не стала возражать. А то был бы какой-нибудь другой дяденька, – он бы ей показал, как возражать против него!» (Андрей И., 10 лет).

НЕ НАЧАЛО И НЕ КОНЕЦ

Разнообразие ответов возникло, конечно же, не на пустом месте. В классе уже сложилась особенная атмосфера, позволявшая свободно думать и свободно выражать свои мысли, дававшая уверенность в том, что эти мысли интересны другому человеку, поскольку одного, «правильного», понимания не существует.

Понимание – не сиюминутный и окончательный результат, это процесс. И листочки с ответами на вопрос *про что?* – не начало, но и не конец работы пятиклассников над текстом. Это всего лишь определённый этап, который позволит им ещё и ещё раз вернуться к тексту рассказа, чтобы проверить и обсудить друг с другом свои понимания.

Если бы я работала тогда со старшеклассниками, то на следующем уроке я предложила бы им за те же десять минут ответить на тот же самый вопрос, но уже от имени, например, Белинского (или Писарева). А ещё лучше – пусть каждый сам выбирает, от лица Белинского или Писарева он будет отвечать.

ПРОБЛЕМА НЕРАВНОДУШИЯ

Проблема понимания, – говорит мой учитель в профессии Вячеслав Букатов, – это проблема равнодушия. И наша учительская задача в том, чтобы ученики равнодушно отнеслись к тому, в отношении чего

мы ждём от них понимания. И оно придёт. Но у каждого есть право на своё открытие, на свой субъективный взгляд, на своё восприятие. Допустим, мы срежиссировали работу с текстом так, чтобы нашим ученикам нечто открылось. Но это не значит, что им должно открыться то же, что и нам. Вот в чём фокус!

Как часто мы вольно или невольно стараемся подвести учеников к какому-то определённому пониманию идеи, как мы говорим, художественного произведения. Милостиво позволяя им поиграть в собственное мнение, мы всё же предполагаем, что есть некое «правильное» понимание, авторское – то, что, якобы, имел в виду автор.

У Никиты Михалкова однажды спросили по поводу фильма «Пять вечеров»:

– А что вы хотели сказать этим фильмом?

– Что сказали, то и хотели, – был ответ.

Автор что сказал тебе *лично*, то и хотел. Вот так! И всякая другая формулировка – от лукавого, это наше учительское своеволие. Что, в самом деле, учитель – персонафицированный автор, истина в последней инстанции?

А вот подарить детям радость от встречи с художественным произведением и друг с другом учитель может. Откуда ученики будут черпать радость? А кто откуда. Кто-то откроет глубину в себе, кто-то – в тексте, кто-то – в версии соседа по парте.